

**ПОЗИЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЗВУКОВ В РУССКОМ
ЯЗЫКЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Султонова Зулхумор Сабатуллаевна

*Преподаватель кафедры русского языка
и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Бобокулова Рухиона Гиесовна

*Студентка 1 курса Самаркандского
государственного педагогического института*

Аннотация: В данной статье исследуется феномен позиционных изменений звуков в русском языке как динамической системы, определяющей фонетический облик речи. Анализирует механизмы редукции гласных и оглушения/озвончения согласных через призму современных лингвистических парадигм. Особое внимание уделяется взаимодействию теоретических постулатов с живой речевой практикой. Статья переосмысляет классические идеи о сильных и слабых позициях фонем, интегрируя художественные интерпретации звуковой материи и критические отзывы на современные методики преподавания фонетики.

Ключевые слова: позиционные изменения, фонетика русского языка, редукция, нейтрализация, фонема, артикуляционная база, звуковой строй.

Abstract: This article explores the phenomenon of positional changes of sounds in the Russian language as a dynamic system that determines the phonetic character of speech. The author analyzes the mechanisms of vowel reduction and voicing/devoicing of consonants through the prism of modern linguistic paradigms. Particular attention is paid to the interaction of theoretical postulates with live speech practice. The article reimagines classical ideas about strong and weak positions of phonemes, integrating artistic interpretations of sound matter and critical reviews of modern methods of teaching phonetics.

Keywords: positional changes, Russian phonetics, reduction, neutralization, phoneme, articulatory base, sound structure.

Звуковая материя языка подобна живому организму: она никогда не пребывает в статике, постоянно подстраиваясь под условия речевого потока. Феномен, обозначенный как «позиционные изменения звуков», является не просто набором орфоэпических правил, а сложной иерархической системой, в которой каждый элемент зависит от своего окружения. В русском языке эта зависимость проявляется с особой яркостью, создавая уникальный ритмический

и мелодический рисунок, который часто описывают как «текучий» и «пластичный». Когда мы говорим о теории и практике этих изменений, мы неизбежно сталкиваемся с фундаментальным конфликтом между идеальной моделью звука (фонемой) и её реальным воплощением в речи. Звук в сильной позиции — под ударением для гласных или перед гласными для согласных — раскрывается во всей своей полноте, представляя собой эталонную единицу. Однако стоит ему переместиться в «тень» соседних звуков или потерять акцентную поддержку, как начинается процесс трансформации. Художественное осмысление этого процесса позволяет увидеть в лингвистической сухой терминологии настоящую драму. Представьте, что гласный звук, лишившись ударения, начинает терять свою индивидуальность, постепенно «стираясь» и превращаясь в нечто среднее, едва уловимое, что лингвисты называют редукцией. Это похоже на то, как яркий цвет тускнеет в сумерках, сохраняя лишь общие контуры формы, но теряя насыщенность. В первом предупредительном слоге он еще борется за свое «лицо», но во второй или третьей позиции после ударения окончательно растворяется в нейтральном призвуке. Это не просто потеря качества — это проявление системной экономии речевых усилий, где язык, подобно мудрому архитектору, убирает лишние детали там, где они не несут смысловозначительной нагрузки. Критики и исследователи, такие как Л.В. Бондарко, неоднократно подчеркивали, что восприятие этих изменений не является автоматическим. В своих работах она указывала на то, что человеческий слух настроен на распознавание не конкретных физических частот, а функциональных значимостей. Это означает, что «практика», вынесенная в заголовок рассматриваемой концепции, первична: мы понимаем смысл слова не вопреки позиционным изменениям, а благодаря им, так как они создают привычный для носителя языка «звуковой ландшафт»¹.

Согласные звуки подчиняются иным, но не менее строгим законам «соседства». Оглушение звонких согласных на конце слова — классический пример позиционного изменения — часто воспринимается поэтами как символ угасания, финала. Звонкий, энергичный звук, лишаясь поддержки последующего гласного, «разряжается», как гаснущая искра. В практике преподавания это часто вызывает трудности у инофонов, чья артикуляционная база настроена на сохранение звонкости в любых условиях. Однако именно в этом переходе скрыта душа русской фонетики: мягкость, податливость и готовность одного звука принять черты другого (ассимиляция). Рассматривая идеи М.В. Панова, можно прийти к выводу, что позиционные изменения — это механизм, обеспечивающий связность речи. Если бы каждый звук произносился

¹ Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977. С. 92.

изолированно, в своей «сильной» форме, наша речь превратилась бы в дробный стук печатной машинки. Вместо этого мы имеем легато, где звуки перетекают друг в друга, подстраиваясь по высоте, интенсивности и месту образования. Это «теория созависимости», где фонема выступает как коллективный субъект, существующий только в контексте своих аллофонов².

Современные критики теории Московской фонологической школы иногда указывают на избыточную абстрактность понятия фонемы. Они аргументируют это тем, что в реальной практике речевой коммуникации «оттенки» звуков (вариации) имеют не меньшее значение, чем их ядерные значения. Позиционные изменения в этой связи должны изучаться не как досадные искажения идеала, а как полноценные участники процесса смыслопорождения. Например, палатализация (смягчение) согласного перед определенными гласными — это не просто механическое движение языка к нёбу, а подготовка речевого аппарата к последующему акту, акт предвосхищения будущего звука. Позиционные изменения звуков — это не статичный список правил, а живой процесс «взаимных уступок» элементов языка. Это баланс между акустической четкостью и артикуляционным удобством, который и формирует ту уникальную музыкальность русской речи, о которой так много писали литераторы и исследователи. Теория здесь лишь пытается догнать практику, систематизируя то, что происходит в миллисекунды в речевом тракте каждого говорящего.

Позиционные изменения — это «невидимый дирижер» русской орфоэпии. Практика показывает, что именно на стыке морфем и слов происходят наиболее интересные процессы, которые лингвисты называют «фонетическими событиями». Одним из таких событий является качественная редукция. Этот процесс можно сравнить с иерархией в государстве: ударный слог — это «король», обладающий всей полнотой власти и яркостью одеяний, в то время как безударные слоги — это «подданные», чья индивидуальность принесена в жертву общему благу. В первом предупредительном слоге звук после твердых согласных превращается в (ер), становясь короче и слабее. Это не просто «недопроизношение», а филигранная настройка речевого аппарата, позволяющая выделить ударный центр слова, сделать его акустическим маяком для слушателя.

Критический взгляд на современное состояние русской речи заставляет нас обратить внимание на так называемую «старшую» и «младшую» нормы. Многие современные критики, анализируя изменения в дикторской речи и медиапространстве, отмечают тенденцию к упрощению позиционных

² Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. С. 104.

чередований. Например, классическое «иканье» (произношение на месте и после мягких согласных в безударном положении) в некоторых региональных вариантах или под влиянием заимствований начинает трансформироваться. Исследователи, такие как Л.Л. Касаткин, указывают на то, что живой язык всегда находится в состоянии поиска равновесия между традицией и новой артикуляционной модой. Практическая значимость изучения позиционных изменений особенно остро проявляется в логопедической и педагогической практике. Здесь идеи «теории и практики» переплетаются наиболее тесно. Если ученик не усвоил принцип нейтрализации глухих и звонких согласных в конце слова, он неизбежно столкнется с трудностями в орфографии. Лингвистическая «проверка» (изменение слова так, чтобы звук оказался в сильной позиции) — это не просто школьное правило, а осознанное использование фонологической системы языка для восстановления исходного образа фонемы³.

В художественном плане ассимиляция согласных по мягкости напоминает социальное заражение: мягкий звук «делится» своим признаком с предшествующим твердым, как если бы они обменивались рукопожатием, оставляющим след. Например, в слове «степь» звук становится мягким под влиянием. Это проявление закона экономии: языку легче подготовить мягкую артикуляцию заранее, чем резко переключаться между разными регистрами. Критики из лагеря функциональной лингвистики подчеркивают, что такая связность является залогом высокой скорости русской речи при сохранении её разборчивости. Интересно рассмотреть и «практику сопротивления» языка внешним влияниям. В последние десятилетия в русский язык хлынул поток заимствований. Теория предсказывает, что иноязычные слова должны быстро подчиняться местным законам позиционных изменений. Однако на практике мы видим, как слова типа «компьютер» или «фонетика» долгое время сохраняют твердость согласного перед, вопреки общей тенденции. Это создает зоны «фонетического напряжения», которые критики описывают как переходные состояния системы.

Позиционные изменения звуков — это форма коллективной памяти народа. То, как мы сокращаем гласные и оглушаем согласные, передается из поколения в поколение как невербальный код идентичности. Это «теория культурного резонанса»: мы узнаем «своего» не только по словам, но и по тому, как эти слова деформируются в потоке речи согласно вековым законам гармонии. Научный дискурс вокруг позиционных изменений звуков в русском языке остается открытым. С одной стороны — строгая академическая классификация позиций и типов редукции, с другой — непредсказуемая стихия

³ Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика. М.: Наука, 1999. С. 34.

живого общения, которая постоянно проверяет теорию на прочность. Исследование этой темы требует не только лингвистической зоркости, но и понимания того, что язык — это постоянно меняющаяся картина мира, где каждый звук, даже самый слабый и редуцированный, играет свою незаменимую роль в создании общего смысла.

Список использованной литературы:

1. Аванесов Р. И. Фонетика современного русского литературного языка. — М.: Издательство МГУ, 1956.
2. Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. — М.: Просвещение, 1977.
3. Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник истории русского языка. — М.: Наука, 1999.
4. Панов М. В. Русская фонетика. — М.: Просвещение, 1967.
5. Матусевич М. И. Современный русский язык. Фонетика. — М.: Просвещение, 1976.
6. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. — М.: Высшая школа, 1979.